

ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ ПЕРСОНАЛИЗМ И ПЛЮРАЛИЗМ – ВЗГЛЯДЫ И ТРАКТОВКИ Ж. МАРИТЕНА

С. С. ШЕСТОПАЛ,

канд. юрид. наук,
ассистент кафедры логики,
Национальный юридический университет
имени Ярослава Мудрого,
г. Харьков

Раскрыты основные идеи одного из наиболее известных французских философов XX в. Жака Маритена относительно характеристики «нового типа» демократического государства. Государство должно сохранить за собой только роль «верховного третейского судьи», регулирующего эту свободную автономную деятельность с точки зрения общего блага, общественного порядка и соблюдения справедливости. Актуально для современной Украины мнение Маритена, что политическое общество должно иметь эффективные средства верховного контроля над государством, потому сами по себе не имеет естественного права на верховную власть, то есть суверенитета.

Ключевые слова: неотомизм, французская философия права, естественный закон, естественное право, права человека, политическое общество, государство, нация.

Ж. Маритен – один из ведущих французских католических мыслителей XX в. – был первым, кто соединил философско-антропологическую теорию (персонализм) с практическим участием в разработке Декларации прав человека, направленную против тоталитарных посягательств на эти права. Идейным источником и методологической парадигмой на протяжении всей творческой жизни для него был томизм [3–6].

Говоря о персонализме и плюрализме, Маритен опирается на собственные работы «Свобода в современном мире» (1936), гл. I, и «Интегральный гуманизм», гл. V. Резюмируя их основные положения, он так характеризует «новый персоналистический и плюралистический строй».

При новом строе должна исчезнуть необходимость во всеобщем

государственном регулировании, а все естественные формы социальной и экономической деятельности, даже самые крупные, будут исходить снизу, от свободной инициативы и конкуренции отдельных групп, профсоюзов, кооперативных организаций, ассоциаций, объединенных на федеративных началах корпораций производителей и потребителей – равноуровневых и институционально признанных организаций. Государство, предоставляя различным общественным организациям самостоятельную инициативу и управление во всех присущих им видах деятельности, сохранило бы за собой только его подлинную прерогативу «верховного третейского судьи и надзирателя, регулирующего эту произвольную и автономную деятельность с высшей политической точки зрения общего блага» [7, с. 31].

Политическое общество, наделяя государство полномочиями управления и власти ради общего блага, требует от него не только поддержания общественного порядка, но и соблюдения справедливости. Маритен подчеркивает важность того, чтобы политическое общество обладало средствами верховного контроля над государством, которое само надделено функциями управления и контроля. «Но поскольку эта верховная власть получена им *от политического общества*, то есть от народа, государство само по себе не обладает естественным правом на верховную власть» [Там же, с. 32], т.е. суверенитетом. Впрочем, в том смысле, какой Маритен вкладывает в понятие «суверенитета» как естественного и неотчуждаемого права на *трансцендентную или отдельную* верховную власть, таким правом не обладает ни один земной субъект: «ни король, ни император в действительности не были суверенными, хотя имели меч и атрибуты суверенитета. Не является суверенным и государство, и даже народ не суверенен. Один лишь Бог суверенен» [Там же]. Эта крайняя точка зрения на суверенитет, вполне естественная, приемлемая и даже логически-необходимая для религиозного мыслителя, является практически неприемлемой для светского философа права. Ее принятие создает возможность для произвольной трактовки и

оценки того оптимума суверенитета, необходимого для реального обеспечения легитимности государства и в конечном счете того политического общества, которое Маритен отождествляет с народом.

Это противоречие религиозно-философской теории с практикой является слабым местом в концепции Маритена, стремящегося к созданию последовательной концепции верховенства политического общества (народа) над государством. «О народе, так же как и о политическом обществе, следует сказать, что он не суверенен, но у него есть естественное право на *полную автономию*, или самоуправление» [7, с. 32]. Но если у народа имеется «естественное право на *полную автономию*», это и значит, что он суверенен, причем именно в том смысле, который Маритен придает понятию суверенитет. Трудно судить о том, замечал ли Маритен допущенное им противоречие, но дальнейшие его рассуждения имеют рациональный смысл только при допущении, что народ все же обладает суверенитетом. «Народ пользуется этим правом, когда принимает писаную или неписаную Конституцию политического общества, или когда часть его объединяется в небольшую политическую группу с тем, чтобы выработать право или принять решение, или когда он избирает своих представителей. У народа всегда остается такое право. Именно благодаря ему народ контролирует государство и своих правительственных чиновников» [Там же]. Способами такого контроля является делегирование права создавать законы и управлять через выборы на установленные сроки и с определенными полномочиями депутатов. Наделяя этих конкретных людей властью, народ в той же мере ограничивает собственное право на самоуправление, но не лишается этого права, осуществляя постоянный контроль через своих представителей и специальные органы. «Народ выше государства; не народ – для государства, но государство – для народа» [Там же, с. 34] – таков основной тезис Маритена.

Ученый считает, что если демократия вступит в следующую историческую стадию «с достаточной разумностью и жизненностью», она не будет игнорировать

религию, как это делала буржуазная демократия в прошлом. При этом, в свою очередь, для католического философа вполне допустимо, что эта обновленная, «персоналистическая» демократия будет плюралистической, т.е. прежде всего терпимой к мультиконфессиональности и разномыслию.

Развитие идеи Маритена о необходимости формирования светской веры в общечеловеческие ценности и их всесторонней поддержки в политическом (гражданском) обществе может лечь в основу дальнейших практических мер по укреплению единства украинской нации, независимо от этнических, культурных, религиозных или атеистических различий. Первым шагом на этом пути может стать совершенствование преамбулы Конституции Украины как суверенного, светского, демократического, социального государства, в котором верующие и неверующие объединены общей политической целью – упрочению силы и авторитета своей державы как гаранта прав и свобод ее граждан.

Только общество персоналистического типа, по мысли Маритена, может быть подлинно демократическим. Для его становления необходимо завершить формирование демократического права.

Первый этап его формирования Маритен видит в эпохе Средних веков, когда было предпринято огромные усилия, чтобы построить жизнь общества на основе единства богословской веры и религиозных убеждений, политико-правовой теории и жизненной практики. В течение нескольких столетий это удавалось – большинство современных европейских государств и правовых систем сложились именно в этот период. Но этот период закончился вместе с наступлением Реформации, «и возврат к средневековой сакральной модели более не представляется возможным» [7, с. 103]. В результате Реформации гражданское, или политическое общество стало все больше отделяться от духовной власти церкви и выстраивать «мирской», «светский» порядок, в котором стираются политико-правовые различия между гражданами разного происхождения и различных конфессий. Этот процесс «обмирщения» политического общества в

Новое время усилился благодаря попыткам построить жизнь общества на основаниях «чистого разума», вообще отделенного от религии. Однако, как показали катаклизмы последних двух столетий, и «чистый разум» оказался неспособным обеспечить духовное единство человечества.

Отсюда Маритен делает следующий вывод: «По мере того, как трагические события последних десятилетий опровергали буржуазный рационализм XVIII и XIX вв., мы все яснее осознавали тот факт, что религия и метафизика являются сущностной составляющей человеческой культуры, изначальными и необходимыми стимулами самой жизни общества» [7, с. 103]. Поэтому обновленная демократия будущего не должна игнорировать религию и должна стать *плюралистической и персоналистической*, т.е. сфокусированной на личности. В таком персоналистическом политическом обществе люди, принадлежащие к различным философским и религиозным течениям, могут и должны сотрудничать во имя общих целей и общего блага, если они принимают основные принципы общества свободных людей.

Каковы же основные принципы персоналистической демократии?

Прежде всего, эта демократия должна нести в себе, поддерживать и защищать *общую человеческую веру в свободу*. Маритен считает огромной ошибкой догму буржуазного либерализма, что демократическое общество должно предоставить публичную арену для представлений об основах общественной жизни, где, как на свободном рынке, сталкиваются и соревнуются идеи и позиции, даже наиболее разрушительные по отношению к свободе и праву. Такая идеологическая терпимость буржуазной демократии XIX – первой половины XX века под лозунгом свободы мнений сделала ее *нейтральной* даже в отношении собственной свободы. Маритен писал: «Так как у нее (т.е. буржуазии) не было реального *общего блага*, то не было и реального *общего мышления*, не было общего сознания, но лишь безразличный пустой череп, окруженный зеркалами: неудивительно, что перед Второй мировой войной в тех странах, попавших под

влияние или испорченных фашистской, расистской или коммунистической пропаганды, общество утратило какое-либо представление о самом себе и веру в себя, какую-то *общую веру*, которая могла бы подвигнуть его противостоять негативным процессам» [7, с. 104]. Это *вера гражданская или светская*, а не религиозная. При всей потребности в ней, в условиях подлинной демократии такая вера не может быть навязана гражданам в форме какой-то философской концепции. Маритен твердо убежден в том, что «в наше время эта концепция была способна породить лишь антигуманную фальшивку, лицемерную или жестокую, предлагаемую тоталитарными государствами, которые притязают на веру, любовь и почтение религиозного человека к Богу; она породила лишь стремление этих государств навязывать их собственную веру сознанию масс властью пропаганды, лжи и полицейского аппарата» [Там же, с. 100]. К такой светской вере могут прийти люди с самыми разными философскими и религиозными взглядами. Она имеет дело не с идеологическими, а с *практическими* принципами, обусловленными развитием морального сознания необходимостью совместно стремиться к общему благу.

Политическое общество имеет право и обязанность развивать и поддерживать среди граждан светскую веру, от которой зависят национальная общность и гражданское сознание. Хотя для общего блага важно, чтобы практические положения, на которых основано право этого общества, были истинными сами по себе, демократическое государство не присваивает себе прерогативы судить об истине этих положений, оставляя их признание и утверждение самому народу.

Маритен считает, что право персоналистической демократии должно включать следующие разделы:

- права и свободы человеческой личности, политические права и свободы, социальные права и социальные свободы и соответствующая им ответственность;
- права и обязанности личностей, являющихся частью семейного общества,

а также свободы и обязательства последнего в отношении политического общества;

– взаимные права и обязанности социальных групп и Государства; управление народа, самим народом и для народа; функции власти в политической и общественной демократии, осознанное моральное обязательство, касающееся как справедливых законов, так и Конституции, гарантирующих народу различные свободы;

– исключение условий возможности политических переворотов в обществе, которое является подлинно свободным и управляется законами, замена и развитие которых зависят от народного большинства;

– равенство людей, справедливость в отношениях между личностями и политическим обществом, между политическим обществом и личностями, гражданское согласие и идеал братства, религиозная свобода, взаимная терпимость и взаимное уважение между различными духовными сообществами и школами мысли, гражданское самопожертвование и любовь к родине, уважение к ее истории и наследию, а также понимание различных традиций, которые переплелись, формируя ее единство;

– обязательства каждой личности в отношении блага политического общества и обязательства каждой нации в отношении общего блага цивилизованного общества, а также необходимость осознания единства мира и существования сообщества народов [7, с. 106].

Маритен подчеркивает, что все хотя эти положения персоналистической демократии вытекают из христианской доктрины, тем не менее в демократическом обществе не должно быть никакого религиозного давления на нехристиан, которые вправе строить свою демократическую веру на других идейных основаниях: «Единственное, о чем должны заботиться гражданская власть и государство, – это общая светская вера внутри общего светского права» [Там же, с. 108].

Поскольку природа демократической веры не доктринальная, а практическая, критерий вмешательства государства в сферу выражения мыслей также должен быть практическим, а не идеологическим. Государству не нужно судить, является ли политическая теория еретической. Для него достаточно, обеспечив гарантии справедливости и законности, вынести решение о том, действительно ли политический еретик угрожает демократическому праву своими действиями или о том, что он получает от иностранного государства субсидии для антидемократической пропаганды. «Каждый раз, когда государство пренебрегает этой основополагающей истиной, зависящей от своей собственной природы, разум приносится в жертву. А поскольку разум каждый раз мстит, то в конечном счете именно политическое общество тем или иным образом приносится в жертву» [7, с. 111].

Однако не ограничения должны быть главными в защите общества от политических еретиков. Гораздо более эффективны позитивные и конструктивные средства, которых в жизнеспособной демократии существует множество. Маритен считает, что такими средствами является деятельность профессиональных групп и союзов граждан, посвятивших себя развитию демократической философии, просвещению народа в вопросах общего права и интеллектуальной борьбе против подрывных политических течений. Само государство может информировать народ об антидемократических идеологиях, поручая это людям, известным своей «мудростью и моральной чистотой». Очень важно повышать чувство ответственности в использовании средств массовой информации, чтобы политическое общество «использовало спонтанное давление общей совести и общественного мнения, берущих начало в четко сформулированном национальном этносе, чтобы не допустить к власти политических еретиков» [Там же, с. 112]. Но самое главное конструктивное средство, которое имеет в своем распоряжении политическое общество – это демократическое образование, воспитывающее веру в демократическое право и органическую потребность в нем.

Такое образование главным образом зависит не от государства, а от семьи. Маритен полагает, что в духовном приобщении к естественному закону функция системы государственного образования является вспомогательной по отношению к семье. Государственное образование должно обеспечить то, чего не может дать семья – дать детям полный объем знаний, необходимых для формирования цивилизованного человека. «Моя точка зрения заключается в том, что, реализуя эту обычную вспомогательную функцию, система образования государства должна предоставить будущим гражданам не только сокровища мастерства, знания и мудрости (широкое общее гуманитарное образование для всех), но также дать им глубокую и продуманную веру в общее демократическое право..., которая необходима для самого единства политического общества» [7, с. 113].

Маритен ясно видит дилемму религиозного образования в современной демократической школе, которая может быть разрешена двумя разными способами: либо различные религиозные идеи, имеющие значение для нации, интегрируются в систему общественных школ, либо на основе этих идей возникают только частные школы. В первом случае в общественных школах допускается внутренняя плюралистическая структура в соответствии с различием национальных духовных традиций, и тогда духовные школы поддерживаются государством. В этом случае духовные школы должны подчиняться общим правилам системы общественных школ, больше не являются автономными и подчиняются контролю государства. Во втором случае духовные школы полностью автономны, но государство их не поддерживает. По вполне предсказуемому мнению Маритена, как католического философа, он сторонник первой модели. Ему представляется, что «внерелигиозная» модель общего обучения противоречит принципу плюрализма в образовании. Помимо этого нарушения, есть и нарушение принципа справедливости, которое проявляется в чисто финансово-правовой коллизии.

Если государство *субсидирует* духовные школы, то возникает вполне

обоснованное опасение, что общественные фонды будут использоваться для частных целей. Однако если государство *не субсидирует* духовные школы, то некоторые категории граждан будут вынуждены дважды платить один и тот же налог (один раз – на содержание системы общественных школ; второй – для финансирования своих частных религиозных школ). (Попутно заметим, что подобная проблема возникает и при государственном финансировании или в отказе от такого финансирования вполне светских частных школ). Очевидно, как первое, так и второе положение дел будет представляться несправедливым и нарушающим права той или иной части граждан.

Выход из сложившегося противоречия Маритен видит в том, что в тех школах и колледжах, которые поддерживает государство, следует не только предоставлять возможность для внеаудиторного религиозного просвещения, но в самом процессе обучения представлять ту роль, которую сыграли иудео-христианские принципы и духовность в возникновении и упрочении демократического права. «Пренебрежение под предлогом неверно и антиполитически понятой «разделенности» государства и церкви религиозными традициями и школами мысли, которые являются частью наследия политического общества, означает, что демократия отделяет и саму себя, и демократическую веру от глубочайшего из своих жизненных источников» [7, с. 118].

Хотя сторонники введения курса христианской этики в украинских светских общеобразовательных школах не ссылаются на Маритена, их аргументация в точности такая. Однако эта позиция представляется уязвимой. Видимо, принцип отделения церкви от государства был бы более последовательно и более справедливо осуществлен, если бы родители детей, которые пожелали бы дать детям христианское или какое-то иное религиозное образование за свой счет, законом освобождались бы от части налогов, равной их расходам на религиозное воспитание.

Список литературы:

1. Рассел Б. История западной философии / Б. Рассел. – Новосибирск : Изд-во Новосибирск. ун-та, 1999. – 815 с.
2. Азаркин Н. М. Всеобщая история юриспруденции / Н. М. Азаркин. – М. : Юрид. лит., 2003. – 608 с.
3. Villey M. Leçons d'histoire de la philosophie du droit / M. Villey. – Paris : Dalloz, 2002. – 318 p.
4. Corduan W. Neo-Thomism [Electronic resource] / W. Corduan. – Mode of access: <http://mb-soft.com/believe/txo/neothomi.html> updated on 05/31/2007.
5. Crosson F. J. Maritain and natural rights / F. J. Crosson // Rev. of metaphysics. – Wash., 1983. – Vol. 36, № 4. – P. 897–912.
6. Fay Th. A. Maritain on rights and natural law / A. Th. Fay // Thomist. – Wash., 1991. – Vol. 55, № 3. – P. 439–448.
7. Маритен Ж. Человек и государство / Ж. Маритен ; пер. Т. Лифинцевой. – М. : Идея-пресс, 2000. – 196 с.
8. Maritain J. L'Ordre des concepts (logique) / J. Maritain // Jacques et Raissa Maritain. Oeuvres complètes. – Fribourg (Suisse) : Editions universitaires / Paris Editions Saint-Paul, 1987. – Vol. II. – P. 277–765.
9. Maritain J. La loi naturelle ou loi non écrite / J. Maritain // Jacques et Raissa Maritain. Oeuvres complètes. – Fribourg (Suisse) : Editions universitaires. – Paris : Editions Saint-Paul, 1999. – Vol. XVI. – P. 689–918.
10. Understanding Maritain : Philosopher and friend / Ed. by Hudson D. W., Mancini M. J. – Macon (Ga) : Mercer univ. press, 1987. – XVIII. – 334 p.
11. Sorge B. Chiesa, cultura e politica in Jacques Maritain / B. Sorge // Civiltà cattolica. – Roma, 1980. – A. 131, vol. 4, № 3130. – P. 356–366.
12. Possenti V. Philosophie du droit et loi naturelle selon Jacques Maritain / V. Possenti // Revue thomiste. – Paris ; Bruxelles, 1983. – T. 83, № 4. – P. 598–608.

Шестопал С. С. Політико-правовий персоналізм та плюралізм – погляди та трактовки Ж. Марітена.

Висвітлено основні ідеї одного з найбільш відомих французьких філософів ХХ ст. Жака Марітена щодо характеристики «нового ладу» демократичної держави. Держава має зберегти за собою тільки роль «верховного третейського судді», що регулює цю вільну автономну діяльність під кутом зору загального блага, громадського порядку і дотримання справедливості. Актуальною для сучасної України є думка Марітена, що політичне суспільство повинне мати ефективні засоби верховного контролю над державою, бо держава сама по собі не має природного права на верховну владу, тобто суверенітету.

Ключові слова: неотомізм, французька філософія права, природний закон, природне право, права людини, політичне суспільство, держава, нація.

Shestopal S. S. Political and legal personalism and pluralism – J. Maritain's concept and treatment.

The paper is devoted to the discussion of the fundamental ideas of one of the most well-known French philosopher – Jacques Maritain concerning the problems of personalization and pluralism in democratic society. Exceptional actuality of the Maritain's treatment of the problems of the relations between laic state and believes for modern Ukrainian social field are the quintessence of the paper.

Key words: Neo-Thomism, French philosophy of law, natural law, natural right, human rights, political society, state, nation.